

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

О СПЕЦИФИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)

Е.С. Тикун

На материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» рассматриваются особенности реализации объективной модальности в художественном тексте; исследуются реальный и ирреальный планы повествования в романе; устанавливается функциональная роль экспликативных объективной модальности.

Ключевые слова: *текстовая модальность, объективная модальность, художественный текст, реальный/ирреальный планы повествования, смыслообразующая функция, субъективная модальность, оценка, коммуникативность текста.*

В современном языкознании модальность принято трактовать как «функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности (объективная модальность. – Е. Т.), а также разные виды квалификации сообщаемого (субъективная модальность. – Е. Т.)» [22, с. 303]. Как и любая сложная категория, модальность до сих пор не получила завершеного описания и точного определения статуса «в связи с ее многоплановостью, специфичностью языкового выражения, а также – в связи с ее функциональными особенностями» [7, с. 18]. Однако, несмотря на все многообразие точек зрения относительно природы модальности, их можно свести к двум различающимся по степени широты подходам – узкому и широкому.

Для представителей узкого подхода точкой отсчета служит модальность суждения [3; 9; 13; 14; 16], «что в целом ряде случаев приводит к отождествлению языковой модально-

сти с модальностью логической» [5, с. 5]. При этом ученые ограничиваются выделяемыми в формальной логике значениями возможности, необходимости и действительности.

Согласно широкому подходу, развиваемому идеи Ш. Балли и В.В. Виноградова, в содержательный объем модальности включаются языковые явления, выражающие как отношение сообщаемого к действительности, так и отношение говорящего к сообщаемому [6; 12; 15; 18; 21]. Этот подход стал основой для перехода к функционально-семантическому направлению в изучении категории модальности, доминирующему в современной лингвистике.

В XX веке лингвистическая наука, сосредоточенная главным образом на модальности высказывания, ощутила острую нехватку исследовательского материала в отношении категории текстовой модальности, которая рассматривалась как факультативный аспект изучения языковой модальности. Осуществляемое в языкознании постепенное выведение модальной проблематики из предложения в текст [4; 8; 15] приводит к трактовке модальности как ведущей текстовой категории.

Впервые модальность как текстовую категорию обозначил И.Р. Гальперин в рабо-

те «Текст как объект лингвистического исследования». Не вводя дефиницию, он представил сущность модальности текста через ряд признаков: объективная по природе, в тексте носит не грамматический, а функционально-семантический характер, проявляясь неравномерно в разных фрагментах текста и выражаясь через характеристику героев, распределение отрезков текста, сентенции и умозаключения автора, актуализацию отдельных частей текста и через ряд других средств [8].

Несмотря на то, что в основе модальности высказывания и модальности текста лежат одни и те же понятия действительного, возможного и необходимого и их оценки говорящим [19, с. 109], между ними нет абсолютного тождества. Это в полной мере можно отнести к проблеме соотношения объективной и субъективной модальности и к особенностям функционирования данных содержательных блоков. В статье мы рассмотрим специфику реализации объективной модальности в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Прежде всего следует отметить условный характер отношения содержания текста к действительности в плане реальности/ирреальности, так как художественный текст, являясь плодом воображения писателя, всегда отражает только вымышленную реальность. Как указывает Л.Г. Бабенко, литературное произведение – это «уникальный вариант интерпретации действительности с точки зрения автора текста, представляющий собой индивидуально-авторскую картину мира» [1, с. 134]. Следовательно, нужно говорить о соответствии или несоответствии текста изображенной, виртуальной реальности, а не нашим представлениям о мире.

Основу романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» составляет реальная история убийства Федора Павловича Карамазова лакеем Смердяковым. Однако в произведении это не дается как известный факт. Автор развертывает перед читателем сценарии возможного развития событий, которые образуют ирреальный план повествования. Его показателями выступают модальные значения возможности, необходимости и желательности, а также глаголы в сослагательном наклонении. Ср.: – *Ах, Господи, он* (Митя Карамазов. – *Е. Т.) **убить** кого **хочет!** – всплеснула рука-*

ми Феня (с. 448)¹; – *Но кто же убил отца, кто же убил? Кто же **мог убить**, если не я? Чудо, нелепость, невозможность!..* (с. 525–526); – *Да, к несчастью, я **хотел убить** его* (Федора Павловича. – *Е. Т.*), *много раз **хотел**... к несчастью, к несчастью!* (с. 528); – *Неужели вы думаете, что я стал бы скрывать от вас, если **бы** в самом деле **убил** отца, вилять, лгать и прятаться?* (с. 557); – *Принимаю казнь не за то, что убил его, а за то, что **хотел убить** и, может быть, в самом деле **убил бы**...* (с. 583); – *Хочет он* (Ракитин. – *Е. Т.*) *обо мне, об моем деле статью написать, и тем в литературе свою роль начать, с тем и ходит, сам объяснял. С направлением что-то хочет: «дескать, **нельзя было ему не убить**, заеден средой», и проч., объяснял мне* (с. 671); *Нет, именно так **должен был поступить** убийца иступленный, уже плохо рассуждающий, убийца не вор и никогда ничего до тех пор не укравший, да и теперь-то вырвавшийся из-под постели деньги не как вор укравший, а как свою же вещь у вора укравшего унесший – ибо таковы именно были идеи Дмитрия Карамазова об этих трех тысячах, дошедшие в нем до мании* (с. 819); – *Если **б** ты **убил** отца, я бы сожалел, что ты отвергаешь свой крест* (с. 873). Из данных примеров видно, что в тексте наряду с реальным сюжетом конструируется возможный, или предполагаемый, согласно которому самым очевидным убийцей оказывается Дмитрий Карамазов.

Одновременно автор предлагает и альтернативы развития событий, как, например, существование сразу двух преступников. Ср.: *Любопытно, из каких мотивов оба сообщника **могли бы выдумать** именно такой сумасшедший план?* (с. 815); *Если **б** он* (Смердяков. – *Е. Т.) **был действительно в сообщничестве и виновен**, сообщил ли бы он так легко об этом следствию, то есть что это все он сам сообщил подсудимому?* (с. 816–817).

Таким образом, объективную модальность в романе составляют, с одной стороны, значения, связанные с отражением реальной ситуации, и тогда единственным действительным преступником является Смердяков, с другой стороны, значения, формирующие ирреальный план повествования, в таком случае убийцей признается Дмитрий Карамазов.

Реализуясь в художественном тексте, объективная модальность приобретает подвижный, динамичный характер. Это проявляется как в дифференциации способов выражения модальности, так и в варьировании модальных значений. Например, воля и желание Ивана Федоровича начать новую жизнь сменяется констатацией собственного бессилия. Ср.: *В семь часов вечера Иван Федорович вошел в вагон и полетел в Москву. «Прочь все прежнее, кончено с прежним миром навеки, и чтобы не было из него ни вести, ни отзыва; в новый мир, в новые места, и без оглядки!» Но вместо отзыва восторга на душу его сошел вдруг такой мрак, а сердце заняла такая скорбь, какой никогда он не ощущал прежде во всю свою жизнь»* (с. 324). Побудительная модальность трансформируется в модальность действительности, благодаря чему достигается эффект внезапности. Кроме того, данный контекст усиливается наречием *вдруг*. Подобная динамика модальной семантики выполняет смыслообразующую роль: «Механизм преобразований (смысла. – Е. Т.) заключается в подведении вновь образованного (при создании или восприятии компонента смысла) под одно из значений актуальной на данный момент модальности» [11, с. 56].

В одном текстовом отрезке могут совмещаться разные виды модальности, выражающие весь комплекс модальных значений. Ср.: – *Можно ли жить бунтом, а я хочу жить. Скажи мне сам прямо, я зову тебя – отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале ошастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!* (с. 283). В данном отрезке реальной модальностью характеризуется лишь одно высказывание, заключающее в себе значение желательности, конкретно жажду жизни Ивана Карамазова. В дальнейшем контексте раскрывается ирреальность осуществления этого желания в силу невозможности принятия Иваном способов его достижения. Семантика

ирреальности, выражаемая с помощью глаголов повелительного и сослагательного наклонения, оказывается доминирующей, что приводит к образованию новых смыслов. При этом высказывание в императиве «подразумевает возможность обратной связи между высказыванием субъекта и реакцией собеседника, на которого направлено высказывание» [17, с. 28]. Таким образом, через призыв Ивана к Алеше представить себя на месте всемогущего Бога автор осуществляет акт коммуникации с читателем.

К специфическим чертам функционирования объективной модальности в художественном тексте следует отнести также ее тесную связь с субъективной модальностью. Это обусловлено «абсолютной антропоцентричностью текста не только по форме, но и по содержанию» [20, с. 12]. Так, говоря о возможном оправдании Мити в суде, предполагая благоприятный исход развития событий, автор отрицательно оценивает поступок Екатерины Ивановны. Ср.: *Увы! За ним (письмом. – Е. Т.) именно признали эту математичность, и, не будь этого письма, может быть и не погиб бы Митя, или по крайней мере не погиб бы так ужасно!* (с. 787). Авторское неодобрение и сожаление выражается с помощью междометия *увы*, а также глагола в сослагательном наклонении *не погиб бы*. Следовательно, экспликативы объективной модальности в художественном произведении могут приобретать субъективно-модальные значения.

Итак, проведенный анализ показывает, что объективная модальность в художественном тексте, характеризуясь условным характером отношения содержания текста к действительности в плане реальности/ирреальности, выполняет смыслообразующую функцию, способствует реализации коммуникативности текста, а также выражает авторское отношение к изображаемому. Специфический характер объективной модальности текста обуславливается такими ее признаками, как динамичность, многокомпонентность и тесная связь с категорией субъективной модальности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее цитаты даются по: [10]. В круглых скобках указываются номера страниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко, Л. Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста / Л. Г. Бабенко // Оценки и ценности в научном познании : сб. науч. тр. / ред. С. С. Ваулина, В. И. Грешных. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канга, 2009. – Ч. 2. – С. 133–142.
2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. Бондаренко, В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В. Н. Бондаренко // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 54–61.
4. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2004. – 280 с.
5. Ваулина, С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) : учеб. пособие / С. С. Ваулина. – Калининград : Изд-во КГУ, 1993. – 70 с.
6. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 639 с.
7. Волкова, Н. А. Текстовая модальность в аспекте учения о первичности-вторичности текста: на материале цикла рассказов В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Волкова Наталья Анатольевна. – Горно-Алтайск, 2007. – 183 с.
8. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
9. Дешериева, Т. И. О соотношении модальности и предикативности / Т. И. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 34–45.
10. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: роман / Ф. М. Достоевский. – 2-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2003. – 912 с.
11. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (На материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 328 с.
12. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
13. Ивин, А. А. Логика : учеб. для гуманит. фак. / А. А. Ивин. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 317 с.
14. Колшанский, Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 94–98.
15. Мещеряков, В. Н. К вопросу о модальности текста / В. Н. Мещеряков // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 99–105.
16. Панфилов, В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – М. : Наука, 1971. – 232 с.
17. Руднев, В. П. Морфология реальности: Исследование по «философии текста» / В. П. Руднев. – М. : Рус. феноменол. о-во, 1996. – 207 с.
18. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др.] ; отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990. – 262 с.
19. Тураева, З. Я. Лингвистика текста и категории модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.
20. Чернухина, И. Я. Элементы организации прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 115 с.
21. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 377 с.
22. Языкознание : большой энцикл. слов. / ред. В. Н. Ярцева [и др.]. – 2-е изд., репринт. – М. : Большая Рос. энцикл. – 685 с.

**ON SPECIFICS OF OBJECTIVE MODALITY IN FICTION TEXT
(BASED ON «THE KARAMAZOV BROTHERS» BY FYODOR DOSTOEVSKY)**

E.S. Tikun

Peculiarities of objective modality realization are considered in «The Karamazov Brothers» by Fyodor Dostoevsky; real and unreal narrative plans are analyzed in the novel; functional role of objective modal explicators is determined.

Key words: *textual modality, objective modality, fiction text, real / unreal narrative plans, meaning-formative role, subjective modality, value, communicability of the text.*